

Хостатовымъ въ станицѣ Червленой».

„Старая Военногрузинская дорога, слѣды коей видны и понынѣ, своими красотоми и вереницей легендъ особенно поразила поэта. Легенды эти были ему извѣстны уже съ дѣтства; теперь онѣ возобновились въ его памяти, вставали въ фантазій его, укрѣпляясь въ памяти вмѣстѣ съ то могучими, то роскошными картинами кавказской природы. Вотъ тутъ-то зародилась въ Михаилѣ Юрьевичѣ мысль перенести мѣсто дѣйствія любимой его поэмы: „Демонъ“ на Кавказъ. До сей поры оно было въ Испаніи“.

„Въ Ставрополѣ Лермонтовъ познакомился съ кружкомъ декабристовъ, находившихся въ отличныхъ отношеніяхъ съ докторомъ Н. В. Майеромъ... Во всякомъ обществѣ его нельзя было не замѣтить. Умъ и огромная начитанность вмѣстѣ съ какимъ-то аристократизмомъ образа мыслей и манеръ невольно привлекали къ нему. Онъ прекрасно владѣлъ русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками и, когда былъ въ духѣ, говорилъ остроумно, съ живостью и душевною теплотою. Майеръ имѣлъ много успѣховъ у женщинъ—и этимъ, конечно, былъ обязанъ не физическимъ своимъ достоинствамъ. Небольшого роста, съ огромной угловатой головой, на которой волосы стригъ подъ гребенку, съ чертами лица неправильными, худощавый и хромой—(у него одна нога была короче другой),—Майеръ нисколько не былъ похожъ на типъ гостинаго ловеласа; но въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго, въ его разговорѣ было столько ума и души, что становится понятнымъ сильное и глубокое чувство, которое онъ внушалъ къ себѣ нѣкоторымъ замѣчательнымъ женщинамъ. Характеръ его былъ неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастическій отбѣнокъ его разговора навлекали ему иногда непріятности, но не лишили его ни одного изъ близкихъ друзей, которые больше всего цѣнили его искренность и честное прямотушье“.

Съ этого доктора Майера Лермонтовъ списалъ въ повѣсти своей: „Княжна Мери“ доктора Вернера, съ которымъ Печоринъ тоже знакомится въ С., т.-е. Ставрополѣ“ (Висков. VI, 263—265).

Григорій Ив. Филипсонъ, бывшій впоследствии попечителемъ С.-Петербургскаго округа, рассказываетъ, что когда онъ, будучи офицеромъ на Кавказѣ, познакомился съ Майеромъ, то послѣ бесѣды съ нимъ исторія челоѣчества представлялась ему совсѣмъ въ другомъ видѣ, и великія событія и характеры англійской и особенно французской революціи приводили его въ восторженное состояніе.

„Можно себѣ представить, какъ такой челоѣкъ и окружающіе его люди должны были повліять на 22-лѣтняго юношу-поэта. Высланный изъ Петербурга, гдѣ онъ старался проникнуть въ общество людей развитыхъ, Лермонтовъ находить отборный кругъ ихъ въ горахъ Кавказа, среди дивной, пробудившей его поэтической даръ природы, среди болѣе свободныхъ условій жизни. Отъ этой атмосферы нравственное состояніе должно было очиститься. Условія должны были благотворно появлять на впечатлительную душу, на большой и образованный, хоть и молодой еще умъ Михаила Юрьевича. Его кругозоръ расширился, убѣжденія окрѣпли, смутное недовольство пошлостью общества, среди котораго онъ находился въ Петербургѣ и коимъ все-таки увлекался, стало для него теперь сознательнымъ. Онъ сталъ шире понимать назначеніе писателя и, выходя изъ сферы личнаго, стремился глубже затронуть типъ людей—продуктъ слабости и недостатковъ своего времени. Задуманныя прежде произведенія были имъ брошены, или стали видоизмѣняться и вырабатываться въ болѣе глубокія и сознательныя творенія. Вотъ почему онъ пишетъ другу и сотруднику своему Раевскому, что не можетъ продолжать романа, который они сообща начали въ Петербургѣ. Обстоятельства измѣнились. Это былъ неоконченный романъ „Княгиня Лиговская“, въ которомъ впервые смутно еще вырисовывается типъ Печорина. Эта перемѣна въ развитіи Лермонтова и обуславливаетъ то недовольство, которое онъ испытывалъ въ петербургскомъ обществѣ по возвращеніи въ него съ Кавказа, и то желаніе, которое руководитъ его стремленіями вернуться туда обратно. Встрѣча съ такими людьми, какъ Майеръ и друзья его декабристы, должна была вызвать сравненіе прежняго поколѣнія съ тѣмъ, что окружало его теперь, пред-